

Е.В. Масловская

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ШКОЛЫ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ ПРАВА

Рассматриваются основные национальные школы и ведущие теоретические направления в современной западной социологии права. Характеризуются теоретические подходы к изучению правовой сферы в американской социологии. Дается оценка современного состояния социологии права в Германии. Особое внимание уделено социально-правовым идеям Ю. Хабермаса и Н. Лумана. Рассмотрены основные направления французской социологии права, прежде всего концепция юридического поля П. Бурдьё.

С середины 1990-х гг. в российских социальных науках велась дискуссия о предмете социологии права и характере этой научной дисциплины (Варчук 1996; Тадевосян 1997; Лапаева 1999). Исследователи, принимавшие участие в обсуждении данной проблемы, придерживались двух различных позиций. С одной стороны, ряд ученых рассматривали социологию права как раздел общей социологии; с другой стороны, она характеризовалась как отрасль правоведения. Вместе с тем отмечалось, что сам факт такой дискуссии свидетельствует о «незрелости отечественной, постсоветской правовой социологии» (Бачинин 2001: 25).

Среди юристов распространена точка зрения, согласно которой анализ права возможен с позиции его собственных категорий, без ссылок на социальную среду, в которой оно развивается. Однако в современной социологии преобладают иные подходы, существенно отличающиеся от этих представлений. Кроме того, в западной социальной науке существует различие между социологической юриспруденцией как отраслью правоведения и социологией права как разделом общей социологии. Данное различие нередко игнорируется отечественными юристами, отождествляющими эти две дисциплины.

Теоретические основы социологии права были заложены прежде всего в трудах Э. Дюркгейма и М. Вебера, которые повлияли на целый ряд после-

дующих концепций. Оба ученых считали социологию права разделом общесоциологической теории. Как Дюркгейм, так и Вебер осуществили сравнительно-исторический анализ эволюции права как социального института. Однако подходы этих социологов к изучению правовой сферы существенно различаются, что обусловлено различиями их теоретических позиций. Как указывает В. Шлюхтер, Дюркгейм выделял право в качестве ключевой сферы общественной жизни, тогда как для Вебера оно выступало одной из таких сфер, не являющейся более значимой по сравнению с другими. Согласно Дюркгейму, существовало соответствие между развитием права и социальным развитием в целом, тогда как Вебер рассматривал развитие права как относительно автономный процесс, обладающий собственной внутренней логикой (Schluchter 2003: 547).

Многие идеи Дюркгейма были включены в теоретический арсенал таких направлений западной социальной науки, как структурализм и функционализм. Социально-правовая теория Вебера также сохраняет значение для современной науки, хотя наибольший интерес веберовская концепция рационализации права представляет для сравнительно-исторических исследований (Масловская, Масловский 2005). Теоретические традиции, заложенные Дюркгеймом и Вебером, оказали существенное влияние на формирование современных направлений западной социологии права. Наиболее значительные национальные школы в социологии права сложились в Соединенных Штатах, Германии и Франции.

Социология права в США

В развитии американской социологии можно выделить три основных этапа. Первый из них, охватывающий период с начала XX в. до 1950-х гг., характеризуется отсутствием единой социологической теории, которая выступала бы в качестве общепризнанной парадигмы. Второй этап (1950–1960-е гг.) связан с преобладанием структурного функционализма, претендовавшего на роль такой парадигмы. Третий этап (с конца 1960-х гг.) отличают распад «ортодоксального консенсуса», опиравшегося на теорию Парсонса, и выдвижение нескольких конкурирующих теоретических подходов. Но с середины 1980-х гг. наметилась все более усиливающаяся тенденция к теоретическому синтезу, которая получила выражение, в частности, в формировании социологической теории неофункционализма. Эволюция американской социологии права как раздела общей социологии также прошла через указанные этапы.

Определенный вклад в развитие американской социологии права внесли представители российской социологической традиции Н.С. Тимашев и П.А. Сорокин. Объектом изучения социологии права, согласно Тимашеву, является человеческое поведение в обществе в той степени, в какой оно связано с правом. По мнению Тимашева, право есть сложный вторичный феномен, в котором объединены два первичных социальных явления – этика и власть, анализировать которые следует в виде комплексных систем поведения (Тимашев 2004). П.А. Сорокин анализировал правовые институты с

позиций общесоциологической теории, рассматривая переход от идеациональной к чувственной культуре на примере различных сфер общественной жизни, в том числе этики и права (Сорокин 1992: 488–500). Характеризуя современное ему западное общество, Сорокин описывал кризис чувственных этики и права, который заключался в постепенной девальвации этических и правовых норм (Сорокин 1992: 500–504).

В рамках функционалистского подхода в американской социологии анализ правовой системы представлен в работах Т. Парсонса, который в значительной степени опирался на идеи М. Вебера, в особенности на его теорию рационализации. Парсонс определял право как «общий нормативный кодекс, регулирующий действия коллективных и индивидуальных членов общества» (Парсонс 1998: 33). Американский социолог осуществил анализ ряда правовых систем, существовавших в традиционных обществах и в современную эпоху. С точки зрения Парсонса, формирование правовой системы как «интегрированной системы универсалистских норм» (Parsons 1964: 351), относительно независимой от религиозной и политической сфер, явилось важнейшим этапом социальной эволюции. Как подчеркивает этот социолог, «Хотя многие элементы генерализованного правового порядка возникли в довольно развитой форме в более ранних обществах, на мой взгляд, их кристаллизация в целостную систему представляла собой совершенно новый шаг, который даже в большей степени, чем Промышленная революция, обозначил наступление *современной эры социальной эволюции*» (Parsons 1964: 351).

В качестве наиболее развитого современного общества в работах Парсонса выступают США. Как указывает Парсонс, «В стабильном социетальном сообществе столь радикально, как это произошло в американском обществе, покончившем с религиозным и этническим единообразием, на центральное место выходит высокоразвитая правовая система» (Парсонс 1998: 125). По мнению этого социолога, развитию правовых форм и учреждений в Соединенных Штатах способствовала опиравшаяся на пуританскую традицию и идеи Просвещения конституция, в которой были закреплены принципы разделения властей и федеративная структура государства. Согласно Парсонсу, на эволюцию американской правовой системы повлияли необходимость юридического посредничества в урегулировании конфликтов между ветвями власти, принятие и дальнейшее развитие английского обычного права, широкая экспансия и профессионализация юридической практики.

Начиная с 1960-х гг. в американской социологии права проводились многочисленные эмпирические исследования. Одним из направлений исследований выступало изучение процесса правотворчества с целью выявить факторы, влияющие на содержание принимаемых законов. Кроме того, широкое распространение получили исследования различных сторон деятельности полиции. Еще одним направлением исследований стал анализ системы судопроизводства, включая действия обвинения, защиты, присяжных заседателей. При этом уголовному судопроизводству уделялось, как правило, больше внимания, чем гражданскому. Отмечалось, что подавляющее большинство работ социологов было посвящено современному американскому обществу,

хотя в отдельных работах рассматривались правовые институты, существовавшие в другие исторические эпохи (североамериканские колонии XVII в.), а также и в других современных государствах (Япония, Израиль, страны Латинской Америки) (Baumgartner 2001: 100–101).

На волне увлечения эмпирическими исследованиями широкое признание в американской социологии права получил теоретический подход, предложенный в работах Д. Блэка (Black 1976). Этот социолог опирался на строго позитивистскую методологию, в соответствии с которой «рассматриваются только факты; чувства, представления и значения устраняются; а цели и намерения игнорируются» (Baumgartner 2001: 109). Блэк рассматривал право как переменную величину, изменения которой могут быть измерены количественными методами. Он соотносил изменения в правовой сфере с изменениями в социальной стратификации, культуре, организационных структурах и системе социального контроля. Задача социологии права, с точки зрения концепции Блэка, заключалась «не в том, чтобы объяснить, *почему* право изменяется или «ведет себя» определенным образом, а в том, чтобы просто наблюдать и измерять корреляции между действием права и других поддающихся измерению социальных явлений» (Cotterrell 1992: 13).

Однако далеко не все исследователи стояли на позитивистских позициях. В числе направлений американской социологии второй половины XX в., повлиявших на изучение правовой сферы, следует назвать микросоциологические подходы: символический интеракционизм, феноменологию, этнометодологию. Использование разработанных в рамках этих направлений исследовательских процедур позволяет скорректировать позитивистский взгляд на правовые явления. Последователи микросоциологических подходов отмечали, что правовая система существует не только в виде объективной структуры, внешней по отношению к индивидам. Правовая система складывается в ходе взаимодействия между людьми, поведение которых связано с определенным субъективным смыслом.

В рамках феноменологического подхода правовые институты рассматриваются как результат множества взаимодействий между представителями юридической профессии, должностными лицами и гражданами, обращающимися в суд. В таком случае оказывается неприемлемым позитивистский взгляд на право как на нечто автономное и внешнее по отношению к обществу. С точки зрения феноменологической социологии, право представляет собой «ярлык, данный определенному аспекту общественной жизни, определенной сфере человеческого взаимодействия. Понять право – значит понять процесс взаимодействия, связанный с идеей права» (Cotterrell 1992: 146).

Наиболее радикальную позицию среди микросоциологических подходов занимает этнометодология, основы которой заложил Г. Гарфинкель. Представители этнометодологии отказались от построения общих социологических теорий, сосредоточив внимание на поведении людей в их повседневной жизни. Как отмечает Дж. Ритцер, объектом изучения в этнометодологии нередко становилась «повседневная практическая деятельность в рамках определенных институтов: судов, медицинских учреждений и полицейских департа-

ментов. Эти исследования преследовали цель выяснить, как люди исполняют свои официальные задачи и как в процессе этого ими создаются институты, в рамках которых существуют данные задачи» (Ритцер 2002: 291).

Характерно, что одно из первых эмпирических исследований Г. Гарфинкеля было посвящено деятельности присяжных заседателей в суде (Ритцер 2002: 289). В другом своем исследовании Гарфинкель анализирует «церемонию статусной деградации», примером которых выступает судебный процесс. Согласно Гарфинкелю, судебный процесс представляет собой своеобразный ритуал, в ходе которого происходит смена идентичности подсудимого, и в восприятии окружающего он становится в буквальном смысле слова новой личностью.

В работах представителей этнометодологии значительное внимание уделялось изучению речевого взаимодействия между участниками судебного заседания. С этой целью анализировались выступления сторон судебного процесса, показания свидетелей. Причем в такого рода исследованиях учитывались мельчайшие детали: речевая интонация, паузы в речи, жестикация. Как показали результаты этнометодологических исследований, смысл происходящего в ходе судебного процесса часто по-разному понимался профессиональными юристами и не имеющими юридического образования подсудимыми, свидетелями, зрителями. В этой связи последователи этнометодологии настаивали на необходимости гуманизации судопроизводства и создания условий для неискаженной коммуникации в рамках судебной системы (Cotterrell 1992: 224).

В 1980-е гг. в американской социологии происходит возрождение интереса к теории Парсонса и формируется неофункционализм как новое теоретическое направление. Ведущий представитель данного направления Дж. Александер уделяет определенное внимание проблемам социологии права в ряде своих работ, опубликованных в 1990-е гг. (Александер 1998). В работах представителей неофункционализма затрагиваются лишь отдельные проблемы социологии права, но не приведен систематический анализ правовой сферы. Однако в целом неофункционализм можно считать достаточно перспективным направлением в исследованиях правовой системы.

Современная немецкая социология права

В первое десятилетие после окончания Второй мировой войны возрождение немецкой социологии было связано прежде всего с попытками восстановления научной традиции, прерванной в период нацистской диктатуры. Ведущие позиции в немецкой социологии второй половины 1940-х – середины 1950-х гг. занимали представители старшего поколения, активно проявившие себя еще до 1933 г.: А. Вебер, Л. фон Визе, А. Фиркандт. Одновременно с этим возрастает влияние работ социологов, находившихся в эмиграции в годы нацизма. Для социологии права большое значение имели опубликованные в конце 1940-х гг. труды Т. Гейгера (Гайслер, Майер 2003: 214–215).

В 1950–1960-е гг. в Западной Германии не происходит значительного развития теоретической социологии права, хотя и проводятся эмпирические исследования правовой сферы. Институционализация немецкой социологии

права осуществляется в 1970-е гг. До этого периода социология права как учебная дисциплина практически отсутствовала в университетских программах. Рост популярности данной дисциплины происходит на волне критики традиционного правоведения представителями «поколения 1968 года».

С 1970-х гг. до конца XX в. ситуация в немецкой теоретической социологии в значительной степени определялась противостоянием теорий Ю. Хабермаса и Н. Лумана. Безусловно, эти теории не исчерпывали весь спектр существовавших теоретических подходов. В 1970–1980-е гг. в Западной Германии развивалась неовеберианская социология, заметным влиянием пользовалось феноменологическое направление, а в дальнейшем приобрела популярность теория рационального выбора. Тем не менее дискуссии между Хабермасом и Луманом занимали особое место в немецкой социологии в указанный период (Buehl 1994: 128–129). Характерно, что оба этих ученых разработали получившие широкое признание социально-правовые теории.

Хабермас обращается к правовой проблематике уже в своей ранней работе «Структурные изменения общественности». В своем наиболее фундаментальном труде «Теория коммуникативного действия» немецкий социальный мыслитель также уделяет существенное внимание правовым вопросам. В ряде публикаций конца 1980-х – начала 1990-х гг. Хабермас дополняет и конкретизирует основные положения своей социально-правовой теории. В целом эту теорию отличает междисциплинарный характер. Создавая ее, Хабермас опирался на философию права, политическую теорию, социологию.

В «Теории коммуникативного действия» Хабермас анализирует, в частности, историческое развитие правовой системы западных обществ. Он отмечает, что в ходе такого развития сфера действия права постоянно расширяется, причем правовое регулирование социальных отношений становится все более детальным. В этом процессе можно выделить несколько стадий. Первоначально в европейских абсолютных монархиях возникает монополия государственной власти на легитимное физическое насилие и формируется законодательство, благоприятствующее развитию рыночной экономики. Затем буржуазное конституционное государство XIX в. обеспечивает защиту индивидуальных прав и свобод своих граждан. С распространением демократических институтов граждане получают возможность участия в политической жизни. Наконец, в XX в. государство всеобщего благосостояния дает гарантии определенных социальных прав. Согласно Хабермасу, указанные тенденции свидетельствуют о противодействии жизненного мира автономному функционированию политических и экономических институтов.

В 1992 г. выходит в свет работа Хабермаса «Фактичность и значимость», которая сразу же расценивается комментаторами как исключительно важный вклад в философию и социологию права. Эта книга подробнейшим образом обсуждалась в социологии и правоведении Германии и ряда других стран. Высказывалась даже точка зрения, что данная работа поставила ее автора в один ряд с двумя величайшими теоретиками права в немецкой философской и социальной мысли – Гегелем и Вебером (Rasmussen 1996: 21). Однако следует отметить, что «Фактичность и значимость» продолжает ряд тем, намеченных в более ранних произведениях немецкого мыслителя.

В данной работе Хабермас прежде всего задается вопросом о том, на чем основывается легитимность правовых норм в современном обществе. Согласно Хабермасу, в рационализированном «посттрадиционном» обществе социальная интеграция возможна лишь посредством коммуникативного взаимодействия, ориентированного на достижение взаимопонимания между индивидами. Как полагает Хабермас, право играет исключительно важную роль в обеспечении такой интеграции. Хабермас отмечает «структурные сходства» между правом и коммуникативным действием (Habermas 1996: 136). При этом правовая система выступает посредником между другими подсистемами общества и жизненным миром.

С точки зрения Хабермаса, современная правовая система с необходимостью предполагает демократическое устройство общественной жизни. Немецкий социальный теоретик стремится продемонстрировать, что существует «внутренняя взаимосвязь, а не просто случайное историческое совпадение между правлением закона и демократией» (Habermas 1996: 137). Правовые нормы должны быть приняты гражданами как легитимные, что предполагает возможность их влияния на формирование этих норм. Согласно Хабермасу, легитимность правовых норм может быть обеспечена лишь демократическими процедурами.

Идеи Хабермаса получили различные оценки в социологической и правовой литературе. Отношение исследователей к правовым идеям немецкого мыслителя в целом определялось их восприятием его общей социальной теории. Хабермаса нередко критиковали за чрезмерно абстрактный уровень его правовой теории. Отмечалось также, что в теории Хабермаса уделялось недостаточное внимание существующим в современном обществе отношениям власти (Фливерберг 2000: 130).

Если Хабермас в своем анализе правовой системы опирается как на философию, так и на социологию, то другой крупнейший немецкий социальный мыслитель Н. Луман сформулировал социологическую теорию права. С точки зрения Лумана, каждая из подсистем современного общества, включая и правовую, является полностью автономной. Это связано с тем, что функция, которую выполняет данная подсистема, не может выполняться никакой другой подсистемой общества. Как подчеркивает Луман, «автономия является не желательным состоянием, а фатальной необходимостью. При условии функциональной дифференциации общества ни одна подсистема не может избежать автономии» (Luhmann 1986: 112). Луман стремится продемонстрировать, что каждая из подсистем функционально дифференцированного общества «участвует в социальной коммуникации, но тем не менее находит собственный способ формирования своих элементов, у которого нет эквивалента в окружающей среде» (Luhmann 1988: 19).

По мнению Лумана, правовая коммуникация существенно отличается от коммуникации в экономической или политической сфере, поскольку система права обладает своим собственным критерием выделения того, что является предметом коммуникации. В качестве такого критерия выступает бинарный код «правовое/неправовое». Благодаря использованию этого кода данная

система определяет, какие проблемы требуют правового регулирования. Тем самым правовая система ограничивает себя от других систем. В концепции немецкого социолога право представляет собой систему, функции которой строго определены и которая четко ограничена от других подсистем общества, в том числе и политической.

Согласно Луману, правовая система лишь наблюдает другие подсистемы общества. При этом право является «нормативно закрытой, но когнитивно открытой системой» (Luhmann 1988: 20). Хотя правовая система может реагировать на воздействие экономической или политической систем, такое воздействие переосмысливается в ее собственных категориях. Экономика и политика, которые являются для системы права частью ее внешней среды, не могут определять содержание правовой коммуникации. «Изменение правовых норм, – пишет Луман, – может происходить только внутри правовой системы. Это не вопрос власти или влияния, и здесь нет отрицания того, что окружающая среда, в особенности политическая система, воздействует на правовую систему. Но правовая система воспроизводит себя лишь посредством правовых явлений» (Luhmann 1986: 113).

Системная теория Лумана широко обсуждалась в немецкой социологии. Как отмечает современный исследователь творчества этого теоретика, «в повседневной работе практически каждого немецкоязычного социолога почти любой школы используется большое количество категорий Лумана» (Штихвее 2003: 485). В последние годы влияние идей Лумана все в большей степени распространяется и за пределами Германии. Социально-правовые идеи Лумана получили признание в Италии, в ряде других европейских стран, в Латинской Америке (Machura 2001: 47).

В качестве ведущих теоретиков немецкой социологии права по-прежнему называют сегодня Хабермаса и Лумана. При этом перспективы их теорий оцениваются следующим образом: «Хабермас уже написал свою главную книгу о праве. А после смерти Лумана в 1998 г. не осталось значительной фигуры, привлекающей широкое внимание к социологии права... Нет сомнения, что на Хабермаса будут продолжать ссылаться в ближайшие годы. Однако в отношении теории Лумана может сложиться иная ситуация. Возможно, его последователи будут заниматься лишь узко специальными теоретическими проблемами, если только идеи Лумана не получат применения в эмпирических исследованиях» (Machura 2001: 55).

Развитие социологии права в Германии сталкивается и с определенными трудностями. Как указывают современные ученые, на социологических факультетах немецких университетов социология права значительно уступает в популярности таким направлениям, как феминистские исследования или социология средств массовой информации. Отмечается недостаточное число аспирантов, специализирующихся в сфере социологии права. Число исследовательских центров, занятых изучением правовых отношений, по-прежнему сравнительно невелико. В то же время объединение Германии и расширение Европейского Союза ставят новые вопросы перед социологией права и требуют расширения исследований в этой сфере (Machura 2001: 54–55).

Современная французская социология права

Начало современного этапа в развитии французской социологии права приходится на 1960-е гг. При этом значительную роль в институционализации социологии права сыграли работы юристов, обращавшихся к социологической проблематике, в особенности труды Ж. Карбонье. Под руководством Карбонье проводились разнообразные эмпирические исследования в правовой сфере. В 1972 г. вышло в свет первое издание подготовленного им учебника «Юридическая социология», получившего признание не только во Франции, но и в ряде других стран. Назначение Карбонье редактором журнала «*L'Année sociologique*» также способствовало повышению престижа социологии права как академической дисциплины.

Во французской социологии права второй половины XX в. не существовало какого-либо доминирующего теоретического направления. В сфере социально-правовых исследований постоянно конкурировали между собой несколько различных парадигм. После 1968 г. возросла популярность марксистской и неомарксистской социологии права (Карбонье 1986: 127). В дальнейшем усилилось влияние идей М. Вебера на изучение правовой сферы. Отмечалось, что в целом французская социология права была ближе к веберовской, чем к дюркгеймовской теоретической традиции (Noreau, Arnaud 1998: 279).

К изучению правовой сферы с позиций общесоциологической теории обращался Ж. Гурвич. Однако следует отметить, что Гурвич характеризовался как «фигура в известном смысле нетипичная не только для французской, но и для всей западной социологии своего времени» (Гофман 2003: 571). Его социально-правовые идеи также в целом не соответствовали современным ему тенденциям развития французской социологии. В последние годы социология права Гурвича рассматривалась отечественными учеными (Гергилов 2005), тогда как зарубежные исследователи указывали на недостаточное внимание со стороны социологов к работам Гурвича (Cotterrell 2002: 635).

Существенное воздействие на развитие гуманитарных и социальных наук во Франции с середины XX в. оказало такое теоретическое направление, как структурализм. Ж. Карбонье отмечает широкое распространение структуралистского подхода во французской юриспруденции. Вместе с тем, по мнению Карбонье, факт признания структурализма представителями юриспруденции «не означает, что он может рассчитывать на такое же внимание со стороны социологии права. Во многих отношениях структурализм рассматривался даже как явление антисоциологическое. Противопоставив структуры и историю, структурализм как бы выступил против социологии, поскольку последняя склонна рассматривать свой объект в его исторической эволюции» (Карбонье 1986: 128). Но все же, как полагает Карбонье, структурализм способствовал «известному обновлению методов и понятий юридической социологии» (Там же).

Отмеченные недостатки структуралистского подхода были во многом преодолены в работах М. Фуко. Для социологии права наибольший интерес представляет книга Фуко «Надзирать и наказывать: рождение тюрьмы», в которой прослеживается формирование системы пенитенциарных учреждений в

странах Западной Европы. Следует отметить, что в данной работе присутствуют элементы социологического подхода к изучению эволюции пенитенциарной системы. Фуко подчеркивает необходимость «анализировать «конкретные уголовно-исполнительные системы», исследовать их как социальные явления, которые не могут быть объяснены ни одной лишь юридической структурой общества, ни его фундаментальными этическим выбором» (Фуко 1999: 37–38).

Идеи Фуко повлияли на многие исследования в области социологии права (Hunt, Wickham 1994). В последние годы в западной социологии нередко проводилось сопоставление теорий Фуко и Хабермаса. Как правило, отмечались существенные различия между позициями этих двух теоретиков. Например, с точки зрения Б. Фливерга, Хабермас выступает как «философ морали, основанной на консенсусе», а Фуко – как «философ реальной истории, излагаемой в терминах конфликта и власти» (Фливерг 2000: 127). Следует указать на то, что и сами немецкий и французский социальные мыслители отзывались друг о друге весьма критически. Несмотря на это дискуссии, которые вели между собой Хабермас и Фуко, а также их последователи, оказали стимулирующее воздействие на развитие социально-правовой теории.

Значительный интерес для социологии права представляет социологическая концепция Пьера Бурдьё. Анализу правовой сферы посвящена работа Бурдьё «Власть права: основы социологии юридического поля». Согласно Бурдьё, юридическое поле представляет собой арену борьбы за монополию на толкование закона. Эта борьба ведется между агентами, обладающими профессиональной компетентностью, которая заключается в общественно признанной способности интерпретировать свод текстов, закрепляющих легитимное видение социального мира.

Как пишет Бурдьё, «Юридический текст, подобно религиозному, философскому или литературному, оказывается ставкой в борьбе по причине того, что толкование является одним из способов присвоения потенциально содержащейся в нем символической власти» (Бурдьё 2005: 80). Но при этом существуют объективные ограничения, которые накладываются на соперничество между интерпретаторами юридических текстов. Такие ограничения связаны с тем, что судебные решения «должны представлять как единственно верный результат правильной интерпретации текстов, чья легитимность не подлежит сомнению» (Там же).

Бурдьё указывает на необходимость выявления связи между позициями агентов в символической борьбе и их положением в системе разделения труда в рамках юридического поля. Вместе с тем он подчеркивает тот факт, что носители различных форм юридического капитала дополняют друг друга, несмотря на конкуренцию между ними. «Антагонизм между обладателями различных видов юридического капитала, вкладывающими в свои толкования очень разные интересы и мировоззрения, не исключает взаимодополняемости их функций и в действительности является основой тонкой организации *разделения труда символического доминирования*, в котором противники, объективно являющиеся сообщниками, необходимы друг другу» (Бурдьё 2005: 86).

Бурдые отмечает, что формирование юридического поля предполагает установление границы между носителями юридического капитала и непрофессионалами. Последние могут выступать лишь клиентами специалистов, обладающих необходимой квалификацией. Как пишет французский социолог: «Образование юридического поля невозможно без установления монополии профессионалов на производство и коммерциализацию той особой категории товаров, какой являются юридические услуги. Юридическая компетенция представляет собой специфическую власть, позволяющую контролировать доступ в юридическое поле, определяя, какие конфликты заслуживают того, чтобы туда войти, и в какую *форму* они должны быть облечены, чтобы приобрести статус собственно юридических прений» (Бурдые 2005: 99–100).

Согласно Бурдые, профессионалы создают потребность в своих услугах, «преобразуя проблемы, выраженные на обычном языке, в юридические проблемы посредством их перевода на язык права и заранее предлагая оценку шансов на успех, как и последствий выбора той или иной стратегии. Нет сомнений, что при конструировании *конфликтов* ими движут финансовые интересы, но также их этические или политические диспозиции, т. е. принцип социальной близости с клиентами» (Бурдые 2005: 98). Кроме того, существуют специфические интересы представителей юридической профессии, которые определяются через их взаимоотношения с другими специалистами и актуализируются в ходе судебного заседания.

С одной стороны, Бурдые подчеркивает противоречия, возникающие внутри юридического поля между обладателями различных форм юридического капитала. С другой стороны, французский социолог отмечает сходство в социальном положении и взглядах обладателей юридического капитала и носителей политической и экономической власти. Как полагает Бурдые, «не слишком велика доля вероятности того, что выбор, который должны поминутно осуществлять специалисты права между различными интересами, ценностями и мировоззрениями, окажется не в пользу власть имущих, поскольку этос юридических агентов, лежащий в его основе, и имманентная логика юридических текстов, цитируемых с целью его обоснования и подкрепления, согласуются с интересами, ценностями и мировоззрением доминирующих групп» (Бурдые 2005: 109).

Социологическая теория Пьера Бурдые оказала заметное влияние на развитие французской социологии права в 1980–1990-е гг. В этот период во Франции сложилось новое теоретическое направление в социально-правовых исследованиях, опиравшееся на идеи этого социолога (Noreau, Arnaud 1998: 269). Кроме того, правовые институты, в особенности судебная система, изучались с позиций социологии организаций, опиравшейся на идеи М. Крозье. Значительное внимание в работах ряда французских ученых уделялось проблемам правовой социализации. Следует отметить также, что наряду с социологией права во Франции успешно развивается антропология права.

В целом современную французскую социологию права отличают ряд особенностей. Характеризуя ее общее состояние, П. Норо и А.-Ж. Арно указывают на недостаток внимания со стороны исследователей к таким на-

правлениям, как правовой плюрализм и системная теория. Кроме того, существует определенный разрыв между французской и англо-американской социологией права. Большинство французских ученых, работающих в данной сфере, лишь в редких случаях ссылаются на исследования своих коллег в англоязычных странах (Nogeaу, Arnaud 1998: 279).

П. Норо и А.-Ж. Арно подчеркивают существенные различия в подходах французских социологов и юристов к анализу правовых явлений. Это находит институциональное выражение в противостоянии между Национальным центром научных исследований (CNRS) и юридическими факультетами. В рамках данного центра объединены большинство ведущих представителей социологии права, тогда как университетские факультеты находятся в основном под контролем юристов, которые обычно рассматривают социологию права как исключительно прикладную дисциплину. Исторически сложилось, что французские социологи права часто придерживаются левых взглядов, а юристы, как правило, занимают консервативные политические позиции. В результате этого расхождения между социологами и юристами еще более усиливаются (Nogeaу, Arnaud 1998: 280–281).

Таким образом, в США социология права получает развитие прежде всего в рамках структурного функционализма Т. Парсонса. Наряду с этим, в американской социологии сформировались иные подходы к анализу правовой сферы. Важное значение имело распространение микросоциологических подходов (в частности, этнометодологии). В Германии также формируется социология права как раздел общей социологии. Наибольший вклад в развитие этого направления внесли Ю. Хабермас и Н. Луман. Собственная национальная традиция в социологии права сложилась и во Франции. Наиболее ярким ее представителем является Пьер Бурдьё. Но во французской социологии права получили распространение и другие теоретические направления, на которые повлияли, в частности, идеи М. Вебера и М. Фуко.

В то же время в работах российских ученых теоретические разработки современной западной социологии права в настоящее время практически не используются. В публикациях отечественных исследователей можно встретить ссылки на Н. Лумана, но почти не упоминаются в числе теоретиков социологии права Ю. Хабермас, М. Фуко, П. Бурдьё. Однако предложенные зарубежными учеными подходы к анализу правовых институтов представляют несомненный интерес для российской социологии. Интеграция отечественных социально-правовых исследований в мировую науку требует критического осмысления современных социологических теорий права. Это должно способствовать выявлению возможностей применения теоретических моделей зарубежной социологии права для исследований правовых институтов российского общества.

Литература

- Александр Дж. После неофункционализма: деятельность, культура и гражданское общество // Социология на пороге XXI века: новые направления исследований. М.: Интеллект, 1998.
- Бачинин В.А. Основы социологии права и преступности. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2001.

- Бурдые П. Власть права: основы социологии юридического поля // Бурдые П. Социальное пространство: поля и практики. СПб.: Алетейя, 2005.
- Варчук В.В. Социология права – отрасль социологии // Социологические исследования. 1996. № 10.
- Гайслер Р., Майер Т. Теодор Гейгер // *Немецкая социология* / Отв. ред. Р.П. Шпакова. СПб.: Наука, 2003.
- Гергилов Р.Е. Право как социальный контроль: концепция Георга Гурвича // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2005. Т. VIII. № 3.
- Гофман А.Б. Классическое и современное: Этюды по истории и теории социологии. М.: Наука, 2003.
- Карбонье Ж. Юридическая социология. М.: Прогресс, 1986.
- Лапаева В.В. Социология права как юридическая дисциплина? // Социологические исследования. 1999. № 7.
- Масловская Е.В., Масловский М.В. Современное прочтение социологии права Макса Вебера // *Журнал социологии и социальной антропологии*. 2005. Т. VIII. № 3.
- Парсонс Т. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс, 1998.
- Ритцер Дж. Современные социологические теории. 5-е изд. СПб.: Питер, 2002.
- Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992.
- Тадевосян Э.В. К вопросу о социологии права // Социологические исследования. 1997. № 11.
- Тимашев Н.С. Что такое социология права? // Там же. 2004. № 4.
- Фливиберг Б. Хэбермас и Фуко – теоретики гражданского общества // Социологические исследования. 2000. № 2.
- Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ad Marginem, 1999.
- Штихвее Р. Никлас Луман // *Немецкая социология* / Отв. ред. Р.П. Шпакова. СПб.: Наука, 2003.
- Baumgartner M. The sociology of law in the United States // *The American Sociologist*. 2001. Vol. 32. No 2.
- Black D. The behavior of law. New York.: Academic Press, 1976.
- Buehl W. Contemporary sociology in Germany // *International handbook of contemporary developments in sociology* / Ed. by R. Mohan, A. Wilke. Westport: Greenwood Press, 1994.
- Cotterrell R. The sociology of law: An introduction. 2nd ed. London: Butterworths, 1992.
- Cotterrell R. Why must legal ideas be interpreted sociologically? // *Journal of Law and Society*. 1998. Vol. 25. No 2.
- Cotterrell R. Subverting orthodoxy, making law central: A view of sociolegal studies // *Ibid*. 2002. Vol. 29. No 4.
- Habermas J. Postscript to *Between Facts and Norms* // Habermas, modernity and law / Ed. by M. Defflem. London: SAGE Publications, 1996.
- Hunt A., Wickham G. Foucault and law: Towards a sociology of law as governance. London: Pluto Press, 1994.
- Luhmann N. The self-reproduction of law and its limits // *Dilemmas of law in the welfare state* / Ed. by G. Teubner. Berlin: de Gruyter, 1986.
- Luhmann N. The unity of the legal system // *Autopoietic law: A new approach to law and society* / Ed. by G. Teubner. Berlin: de Gruyter, 1988.
- Machura S. German sociology of law // *The American Sociologist*. 2001. Vol. 32. No 2.
- Nelken D. Blinding insights?: The limits of a reflexive sociology of law // *Journal of Law and Society*. 1998. Vol. 25. No 3.
- Noreau P., Arnaud A.-J. The sociology of law in France: Trends and paradigms // *Journal of Law and Society*. 1998. Vol. 25. No 2.
- Parsons T. Evolutionary universals in society // *American Sociological Review*. 1964. Vol. 29. No 3.
- Rasmussen D. How is valid law possible? // Habermas, modernity and law / Ed. by M. Defflem. London: SAGE Publications, 1996.
- Schluchter W. The sociology of law as an empirical theory of validity // *European Sociological Review*. 2003. Vol. 19. No 5.